

ватывающий три волны эмиграции и созданный преимущественно на основе эмигрантских источников, рассеянных по мн. странам. «Словарь» вышел в России и адресован прежде всего русским читателям. Ее перу принадлежат десятки очерков, эссе, воспоминания об американских и русских поэтах.

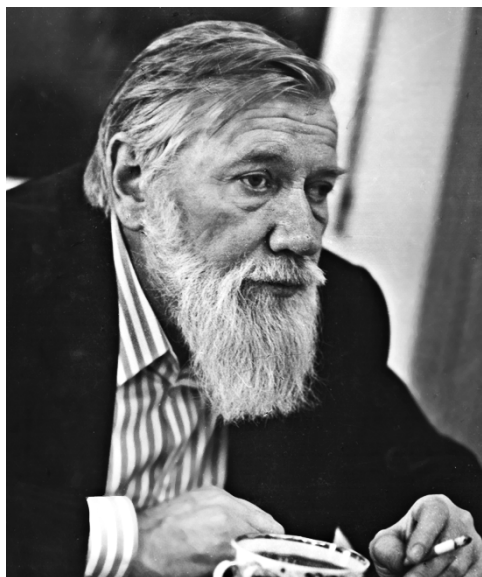
Творчеству С. посвящено более тридцати статей и рецензий. В ее честь к семидесятилетию поэтессы вышел сб. «Литературный витраж» (1996), составленный из произведений друзей и постоянных авторов «Встреч».

Соч.: Огни. Нью-Йорк, 1973; Наступление дня. Филадельфия, 1978; Цветенье трав. Филадельфия, 1985; Здесь я живу. Филадельфия, 1988; Избранное. Остер; Филадельфия, 1992; Берега. Стихи поэтов второй эмиграции (Совместно с В. Шаталовым.) Филадельфия, 1992; Триада (стихи И. Михалевича-Каплана, В. Синкевич и Н. Файнберг). Филадельфия, 1996; Поэтессы Русского зарубежья (Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич). М., 1998; Стихи: Перекрестки. 1977–82; Встречи. 1983–2005; «...с благодарностию: были...»: Мемуары. М., 2002; «На этой красивой и страшной земле...»: стихи. М., 2004.

Лит.: Одоевцева И. «Огни» Валентины Синкевич // Новое рус. слово. 1973. 9 дек.; Терапиано Ю. «Огни» // Рус. мысль. 1973. 20 дек.; Ильинский О. В. Синкевич. «Цветение трав» // Записки Русской Академической группы в США. 1986. Т. 19; Он же. В. Синкевич. «Здесь я живу» // Там же. 1988. Т. 21; Крейд В. Валентина Синкевич. «Здесь я живу» // Новый ж. 1989. № 175; Ржевский Л. О сб. Валентины Синкевич «Цветение трав» // К вершинам творческого слова. Норвич, 1990; Дмитриев В. Смутные воспоминания Леды // Новый ж. 1991. № 183; Крейд В. Берега поэтической диаспоры // Там же. 1994. № 194; Ольшанская Е. Валентина Синкевич // Ренессанс. Киев. 1994. № 7; Толстой И. Юбилей Валентины Синкевич — юбилей «Встреч» // Рус. мысль. 1996. 24–30 окт.; Литературный витраж: Сб. в честь Валентины Синкевич. Нью-Йорк, 1996; Ильинский О. Поэтессы Русского зарубежья // Записки Русской Академической группы в США. 2000. Т. 30; Агеносов В. Синкевич В. А. // Русские писатели XX века: биографический словарь. М., 2000; Либрман А. Валентина Синкевич. «...с благодарностию: были...» // Новый ж. 2002. № 229; Адамович М. О времени и о себе // Знамя. 2003. № 4; Ильинский О. Валентина Синкевич. «...с благодарностию: были...» // Записки Русской Академической группы в США. 2003. Т. 32; Солженкина С. Спасибо, жизнь... // Дружба народов. 2004. № 7; Гарбер М. Валентина Синкевич. «На этой красивой и страшной земле...»: стихи // Новый ж. 2005. № 238.

Т. С. Царькова

СИНЯВСКИЙ Андрей Донатович (псевдоним Абрам Терц) [8.10.1925, Москва —

А. Д. Синявский

25.2.1997, Фонтэне-о-Роз, под Парижем] — прозаик, литературовед, критик.

Родился в семье участника революционного движения, впоследствии работавшего в народном образовании и инженером-химиком (арестован в 1951). В годы Великой Отечественной войны служил (с 1943) в армии на военном аэродроме радиомехаником. В 1949 окончил филол. ф-т МГУ, после окончания аспирантуры в 1952 защитил канд. дис. о творчестве Горького. Работал науч. сотрудником в Ин-те мировой лит-ры АН СССР и одновременно преподавал в МГУ и Школе-студии МХАТ.

Заявил о себе как талантливый, активно выступающий в печати литературовед и критик (особенно охотно его статьи и рецензии печатались в руководимом А. Твардовским ж. «Новый мир») со статьями о И. Бабеле, Э. Багрицком, А. Ахматовой, Б. Пастернаке и др. В 1957 им написана статья **«Что такое социалистический реализм»** (опубл. во Франции в 1959), где это почти священное для советского искусства понятие было подвергнуто сокрушительной критике, обнажена мертвящая нормативность, заключенная уже в определении этого термина. С 1955 С. работает также в области худож. прозы: рассказ **«В цирке»** (1955), повесть **«Суд идет»** (1956) и др. И хотя ничего антисоветского в них не было, напечатать их в советской стране он не пытался: господствовавшему в советской лит-ре худож. методу писатель противопоставлял фантазмагорию, тяго-

тение к которой возникло в результате осознания им окружающей его советской действительности как «фантастической реальности». При этом он отчетливо осознавал свою преемственность по отношению к русской лит. классике, только все свою родословную не от «правдоподобно реалистической прозы» (Пушкина, Л. Толстого), а от той, что названа им «утрированной» (Гоголя, Достоевского). Нелегально переданные на Запад, эти соч. начали публиковаться с 1959 во Франции. Абрам Терц, под именем которого появились они (а потом и все худож. произведения С.), стал для писателя не псевдонимом, а лит. маской, выражающей его очень важную сторону, ибо писательство для С. связано, по его собственным словам, «с нарушением запретов, и сюжетных и стилистических», — в роли такого «нарушителя» и выступает «полумифический, фантастический персонаж».

8 сент. 1965 С. был арестован и предан суду (вместе с Ю. Даниэлем, также печатавшимся за рубежом под псевдонимом Николай Аржак) по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, в распространении антисоветской лит-ры. Несмотря на многочисленные протесты со стороны советской и мировой общественности, процесс состоялся 10–14 февр. 1966: С. был приговорен к 7 годам заключения в лагере строгого режима. Отбывал наказание в лагере под Потьмой, где был занят на тяжелых физических работах. Освобожден 6 июня 1971 и в 1973 эмигрировал во Францию. Там, в Париже, С. в качестве профессора ун-та «Гран-Пале» преподает русскую лит-ру, активно работает как литературовед и критик, публикует новые худож. произведения. Вместе с женой М. В. Розановой с 1978 издает «Синтаксис» — журнал, содержание которого составляет публицистика, критика, полемика; кроме самих издателей, здесь сотрудничают Е. Эткинд, Л. Копелев, И. Померанцев, А. Зиновьев, Ж. Нива и др.

Порожденная абсурдность действительности фантазмагория в творчестве С. не самоцель, а средство, позволяющее прежде всего найти ответ на извечный для искусства вопрос о судьбе художника в обществе. Для С. писатель всегда словно бы преступник, чужак в мире людей. Занять такую — непривычную — позицию ее автора вынуждает двойное бытие, на которое был обречен художник, не находивший места в советской подцензурной печати. Позднее двойное бытие осознается С. как основа существования, на которое был обречен советский человек,

и как основополагающий факт собственной творческой биографии, что находит выражение, если обратиться к сочинениям А. Терца, на всех уровнях текста. В вызвавшей ожесточенную критику определенной части читателей и литераторов книге «Прогулки с Пушкиным» (впервые издана в Лондоне в 1975) С. ведет разговор о гениальном поэте без привычного — ставшего в этом случае обязательным — пиетета: за легковесность и даже развязность принят недоброжелателями артистизм стиля автора, воспринимаемого Пушкина как своего современника, прославляющего его, «но словом не почтительного восторга». Книга эта создавалась в лагере, передавалась на волю отд. кусками (чем и объясняется в значительной степени ее фрагментарный характер), являя пример внутренней раскрепощенности не сломленного лагерем писателя. Фрагментарность характерна и для др., позднее написанных книг С.: «Голос из хора» (1973), «В тени Гоголя» (1975), построенной на автобиографическом материале книги «Спокойной ночи» (1984), составленных из объединяемых лишь прихотливым движением авторской мысли заметок, отрывков из писем, размышлений, живо написанных зарисовок лагерного быта. Тут вспоминается имя В. В. Розанова, которого С., по собственному признанию, любит (подтверждение тому — книга «„Опавшие листья“ В. В. Розанова», 1982), открыто усваивает особенности его творческой манеры. Но фрагментарность книг А. Терца объясняется не только условиями, в которых они создавались: трудно требовать связности повествования от записей, время от времени вырвавшихся за колючую проволоку. Такая композиция в то же время способна выразить характер времени, буквально разрываемого в ключья. Правила, определяющие нормальное человеческое поведение, здесь чудовищно искажены — в лагере это искажение лишь принимает открытую форму, концентрируется.

С. так определяет особенности своего творческого метода: «...Это смесь реализма и фантастики, это, в общем, опять-таки переступание каких-то запретных или каких-то рискованных тем, это та же игра на снижениях, на резких снижениях, на гротеске». Вспоминая имена Гоголя и Достоевского, Гойи и Шагала, даже Маяковского, С. говорит об искусстве, цель которого — «быть правдивым с помощью нелепой фантазии». Это убеждение реализуется в его произведениях с помощью обращения к откровенной фантастике, сверхъестественному, к снам и галлюцинаци-

ям, к изображению продуктов помутившегося разума, к резкому гротеску. Такие произведения воспринимаются как сатирические, направленные против укоренившегося в советском обществе тотального страха, чувства недоверия к человеку, атмосферы всеобщей слежки. В повести **«Любимов»** С. вводит элементы антиутопии, утверждая право человека на свободную, т. е. счастливую, жизнь. А в повести **«Крошка Цорес»** (1980) С. усваивает традиции Гофмана, ставя проблему греховности человека. Обращение к ней предиктивно лежащими в основании творчества писателя этическими принципами, обусловленными христианским вероучением.

Соч.: Соч.: в 2 т. М., 1992; Пикассо [в соавторстве с И. Голомштоком]. М., 1960; Поэзия первых лет революции. 1917–20 [в соавторстве с А. Н. Меньшутиним]. М., 1964; Спокойной ночи. Париж, 1984; Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993.

Лит.: Померанц Г. Диаспора и Абрашка Терц // Искусство кино. 1990. № 2; Чаликова В. Встать! Суд идет! // Книжное обозрение. 1990. № 7. 6 июля; Ажгихина Н. Возвращение Синявского и Даниэля // Октябрь. 1990. № 8; Баткин Л. Синявский, Пушкин и мы // Октябрь. 1991. № 1; Вайль П., Генис А. Лабардан: О литературном творчестве А. Д. Синявского (Абрама Терца) // Урал. 1990. № 11; Линецкий В. Абрам Терц: Лицо на мишени // Нева. 1991. № 4; Коваленко Ю. Андрей Синявский // Коваленко Ю. Москва–Париж. М., 1991; Генис Ал. Андрей Синявский: Эстетика архаического постмодернизма // Новое лит. обозрение. 1994. № 7; Воздвиженский В. Сочинитель и его двойник // Октябрь. 1995. № 12.

А. С. Карпов

СИРОТИН Борис Зиновьевич [5.2.1934, с. Ново-Черкасск, Оренбургская обл.] — поэт.

Родился в семье работника политотдела МТС. Вскоре после его рождения отца переводят в Оренбург, и детство С. проходит в городе. Тем не менее, по словам самого С., образ деревни, сохраненный в его сознании благодаря частым рассказам родителей, помог ему на поэтическое поприще в отроческие годы в формировании зримого и осязаемого, «домашнего» понятия «вечность». Юность С. пришлась на послевоенное время, проведенное в г. Саранске. Увлечение в старших классах школы творчеством Есенина открыло для него мир поэзии. С. поступил на механический ф-т сельскохозяйственного ин-та г. Саранска. Именно в институтские годы он создает свои первые стихотворные строки. В то время на него огромное влияние оказало творчество Вл. Луговского.

Впервые в печати С. появился на страницах саранской газ. «Молодой ленинец» 23 марта 1955, где было помещено его стих. **«Утро»**. Первая книга его стихов **«Сколько света в мире!»** вышла в 1961. В этом же году в газ. «Волжская коммуна» Л. Финк (статья **«На подступах к большой поэзии»**) дает характеристику этого сб., отмечая, что в творчестве начинающих поэтов, в том числе и С., главенствует «основной мотив поэтизации движения»: «Образы движения, ракеты, поезда, дороги — и в центре стихов Бориса Сиротина „Сколько света в мире“». Его строчки обычно короче, сделаннее, экономичнее. Поэтому они точнее и выразительнее несут мысль». Указав на то, что «сборник неровен, и в нем есть внутренние контрасты и несоответствия», что иногда очевиден «книжный источник» вдохновения С., Финк отмечает: «Сиротин силен, когда он идет от жизни, от пережитого и перечувствованного. Тогда рождаются „Два поезда“, „Хлеб“, „Дожди“, стихи, в которых есть конкретика и своя мысль, в которых отчетливо слышится авторский взволнованный голос» (Финк Л. 1961. С. 3).

В 1960–80-е выходят сб. стихов С. **«Дыхание»** (1965), **«Разговор с великой равниной»** (1972), **«Ночные кони»** (1980), **«Русские зимы»** (1982), **«Вечерний поклон»** (1982). Ан. Ардатов в своей рецензии на последние две книги указал на верность С. «чистоте родного языка»: «Язык лучших сиротинских вещей, оставаясь в притяжении традиционной поэтики, на редкость раскован <...>, просторен и емок. Недаром слова „пространство“, „простор“, „даль“, „воздух“ — излюбленные в его словаре, а образы, связанные с ними, широко варьируются в новых книгах» (Ардатов А. 1984. С. 162–163).

Опубликованная в 1984 книга **«Люблю невзначай и навек»** — наиболее полный из выпущенных до той поры сб. С. — вобрала в себя лучшие стихи и поэмы, написанные С. в 1980-е. Составитель сб. В. Кожин во вступ. статье отметил несомненные достоинства книги: «Воплощенный в ней мир человеческих переживаний весьма сложен и многообразен. Но этот мир поэта — редкостно открытый мир. В нем нет завершенности, замкнутости формы и смысла <...>. Это поэзия исканий, замечательных по своей душевной честности и ответственности, притом глубоко и остро современных исканий <...>. И <...> одна из неотъемлемых черт сегодняшнего сознания — та очевидная сложность, неоднозначность восприятия жизни, которой про-